

проводником многих добрых, возвышенных идей, и несомненно, что если бы она была известна в Западной Европе, то повесть эта встретила бы симпатию среди мыслящих, стремящихся к идеалу юношей и девушек.

К концу семидесятых годов можно отнести новую, третью фазу творчества Н. Д. Хвошинской. Повести этого периода — между которыми особенно замечательна серия, вошедшая в «Альбом: Группы и портреты», — носят новый характер. Когда великое либеральное движение, охватившее Россию в конце 50-х и начале 60-х годов, пришло к концу, фигурировавшие в качестве представителей передовой мысли и всяческих реформ поспешили отречься от веры и идеалов своих лучших годов. Под самыми разнообразными и многочисленными предлогами они старались убедить самих себя — и, конечно, тех женщин, которые верили им, — что новые наступившие времена требуют и новых способов действия; что они сделались лишь людьми «практическими», бросая старое знамя и исповедуя новую веру, сущность которой сводилась к личному обогащению; что, поступая таким образом, они совершали подвиг самопожертвования, проявляли «зрелое гражданство», требующее от каждого не останавливаться даже перед жертвованием собственными идеалами, раз этого требуют интересы «дела». «В. Крестовский — псевдоним», как женщина страстно преданная этим опошляемым «дельцами» идеалам, прекрасно понимала истинную цену всех этих софизмов. Отступничество этого рода должно было глубоко огорчать ее, и я сомневаюсь, найдется ли в какой-либо другой литературе такая коллекция «групп и портретов» всякого рода предателей, какую можно найти в ее «Альбоме» и в особенности «У фотографа». Читая эти рассказы, вы чувствуете, что сердце автора обливается кровью, и это делает «группы и портреты» Н. Д. Хвошинской одним из лучших образчиков «субъективного реализма», какие мы имеем в русской литературе.

Поэты той же эпохи

Если бы настоящая книга претендовала быть курсом русской литературы, я должен был бы довольно подробно анализировать нескольких поэтов, принадлежащих к эпохе, описанной в последних двух главах. Мне придется, однако, ограничиться краткими замечаниями, хотя большинство этих поэтов, несомненно, сделались бы любимцами других наций, если бы они писали на языке более известном Западной Европе, чем русский.

Это в особенности можно сказать о Кольцове (1808— 1842), поэте из народа, который воспевал в своих песнях, находящих всегда отклик во всяком поэтическом уме, безбрежные степи южной России, поэзию земледельческого труда и вместе с тем печальное существование русской крестьянки, любовь, являющуюся лишь источником страданий, судьбу, которая бывает не матерью, а мачехой, и то быстро бегущее счастье, которое оставляет после себя лишь слезы и скорбь.

Стиль, содержание, форма — все оригинально в произведениях этого поэта степей. Даже форма его стихотворений отличается от установленной в русской просодии: это нечто музыкальное, как русская народная песня, и столь же неправильное. Однако каждая строка произведений Кольцова (его второго периода, когда он освободился от подражательности и стал истинно народным поэтом), каждое выражение и каждая мысль находит отзыв в сердце читателя и полна поэтической любви к природе и людям. Подобно лучшим русским поэтам, Кольцов умер очень молодым, как раз в тот период, когда его талант достиг полного развития и в его стихотворениях начали звучать более глубокие мотивы.

Никитин (1824—1861) был другим русским поэтом, вышедшим приблизительно из той же среды, но он обладал гораздо меньшей оригинальностью, чем Кольцов. Он родился в мещанской семье, также на юге России. Жизнь его в семье, глава которой был постоянно пьян и которую молодому поэту приходилось поддерживать, была ужасна. Он также умер молодым, но после него осталось несколько прекрасных и глубоко трогательных поэтических произведений, в которых он с простотой, которую мы найдем позднее лишь у беллетристов-народников, описывал народную жизнь; произведения эти окрашены глубокой печалью, в основе которой лежала собственная несчастная жизнь поэта.

А. Плещеев (1825—1893) был в продолжение последних тридцати лет одним из любимых русских поэтов. Подобно многим другим талантливым людям его поколения, он был арестован в 1849 году в связи с «делом Петрашевского», за которое Достоевский заплатил каторжными работами. Его нашли даже менее «виновным», чем был великий романист, и Плещеева сослали солдатом в Оренбургскую область, где он, вероятно, и умер бы от солдатской службы, если бы Николай I сам не умер в 1855 году. Плещеев был «помилован» Александром, и ему было разрешено жить в Москве.